

Л. В. Карагулян

Фейербах о взаимоотношении чувственного и рационального в познании

Вопрос о соотношении чувственного и рационального в познании обсуждался в той или иной форме на протяжении всей истории философии. И это не случайно. Ибо от правильного разрешения этого важного вопроса зависит научное освещение проблемы познания. Если взять немецкую философию конца XVIII и начала XIX вв., то мы увидим, что в течение долгого времени она стремилась правильно разрешить проблему познания. Однако это ей не удалось. Взять хотя бы двух таких представителей, как Кант и Гегель.

Кант, который исходил из того, что человеческие познавательные способности ограничены, пришел к агностицизму, а, следовательно, и проблему соотношения чувственного и рационального моментов в познании правильно, научно не мог разрешить и не разрешил. Он с самого начала исходил из признания двух самостоятельных источников познания: чувственного и рассудочного, поэтому синтез оказался внешним по отношению к элементам опыта, связь между ними создалась у него в единстве мыслящего субъекта. Как известно, Кант хотел примирить эмпиризм с рационализмом. Построив свою теорию познания на эмпирической основе, он эклектически соединил ее с рациональными моментами. Но и сама чувственность понималась Кантом субъективистски; она способна дать только хаос впечатлений, а чувственный предмет — явление — есть уже результат деятельности субъекта, а именно: упорядочение хаоса впечатлений субъективными формами созерцания. Таким образом, у Канта наблюдается разрыв не только рационального от чувственного, но и чувств от внешнего мира.

Гегель с позиций объективного идеализма весь процесс познания свел к процессу самопознания духа. По Гегелю процесс познания (и, следовательно, исследование движения познания) начинается от непосредственно чувственно-данного, как первой формы познания; задача познания заключается в преодолении чувственности природного мира. Критикуя кантовское понимание соотношения эмпирического и рационального в познании, Гегель утверждал, что эти два элемента находятся в диалектическом единстве. Однако необходимо отметить, что у Гегеля, как идеалиста, в конечном счете это единство создается на почве рационализма. Тем самым и Гегель, хотя и сделал значительный шаг вперед по сравнению с предшествующей философией, не дал научного разрешения проблемы соотношения рационального и эмпирического в познании.

Только Фейербах, продолжая прогрессивные традиции материализма XVII и XVIII вв., восстал против идеализма и в борьбе с ним с позиций материализма нанес ему сокрушительный удар.

Фейербах в противоположность идеалистам заявлял, что философия — не монолог умозрения, а диалог умозрения с эмпирией. Философствовать следует под руководством чувств. Считая объектом познания материю, внешний мир, а источником, средством познания — ощущения, Фейербах настаивал на истинности чувств. «Совершенно закономерно, — пишет он, — эмпиризм усматривает источник наших идей в чувствах»¹.

Истинно и реально только то, что является объектом чувств, созерцания, ощущения. Чувства являются не только источником нашего познания, они являются также и источниками нашей жизни. Человек обязан своим существованием только чувственности. «Отрицание чувств есть источник всякой испорченности, злобы, всего болезненного в человеческой жизни. Утверждение чувств — источник физического и нравственного и теоретического здоровья»².

О существовании внешних предметов мы знаем только посредством чувств, а не отвлеченного мышления, поскольку посредством чувств человек приходит в соприкосновение с объективной действительностью. Фейербах считал, что материалистическая философия должна опереться и опираться на истинность чувств.

Согласно сенсуализму, единственный источник наших знаний о мире — ощущения. Однако признать источником наших знаний ощущение — это еще не все. Очень важно то, признает ли данный философ объективное существование источника наших ощущений. И идеалист может стать на точку зрения сенсуализма. Так, например, Беркли тоже исходит из сенсуализма. Но он трактует это положение сенсуализма по-своему: мы знаем только наши ощущения. Отождествив вещь с ощущением, он заявляет, что вещь есть совокупность наших ощущений. Поэтому предмет и ощущение для него одно и то же и не могут быть отделены друг от друга. Вещи для Беркли существуют только в восприятии. Отсюда и основной тезис его философии: существовать — значит быть воспринимаемым. В противоположность идеалистическому сенсуализму Беркли, Фейербах развивает материалистический сенсуализм. Ощущения возникают благодаря воздействию объективно существующей природы на органы чувств человека. Поэтому, исходя из этих позиций, Фейербах со всей яростью нападает на субъективных идеалистов, считающих содержанием наших ощущений не внешние предметы, а сами же ощущения.

В критике субъективного идеализма больше всего достается Фихте, который считал, что действительное существование вещей обусловлено тем, что мы видим, слышим, осязаем. Но что такое слух, зрение, обоняние, как не ощущения, как не аффекты нашего сознания — говорит

¹ Фейербах, т. I, 1955, стр. 190.

² Фейербах, т. II, стр. 165.

Фихте. Поэтому мы ощущаем не предметы, а только свои же ощущения, воспринимая свое собственное состояние. Фейербах возмущался, каким же образом субъективный идеалист во всяком восприятии воспринимает свое собственное состояние. Ведь каждый из нас способен обнаруживать свое ощущение в том случае, когда вокруг него находится некоторая объективность. «Я», из которого исходил Фихте, не имеет истинного существования, не является действительным. Почему? Да потому, что «Я» не противопоставляется «Ты». Настоящее «Я» является объектом для другого «Я», но поскольку для идеалиста не существует объекта вообще, то не существует и «Ты».

С борьбой против объективного идеализма тесно связана его борьба против так называемого «физиологического идеализма», поскольку между ними нет принципиального различия.

Сущность «физиологического идеализма» состоит в теории так называемой «специфической энергии». Согласно этой теории, глаз, ухо, т. е. каждый орган чувств имеет свою специфическую энергию, благодаря которой функционирует. Исходя из этой теории, можно прийти к такому выводу, что внешний мир не играет никакой роли, а суть заключается в самих органах как зрения, так и обоняния, осязания и т. д.

Фейербаху пришлось бороться преимущественно против представителя физиологического идеализма — И. Мюллера. «В 1866 г., — пишет Ленин, — Фейербах обрушился на Мюллера, знаменитого основателя новейшей физиологии, и причислил его к «физиологическим идеалистам». Идеализм этого физиолога состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействий на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности. Эту тенденцию одной школы естествоиспытателей к «физиологическому идеализму», т. е. к идеалистическому толкованию известных результатов физиологии, Фейербах схватил чрезвычайно метко»³.

Фейербах нападал на Мюллера постольку, поскольку тот отрицал, что наши ощущения суть образы объективных вещей. Приведем из статьи Фейербаха соответствующую аргументацию Мюллера.

«Совершенно безразлично, — говорит, например, Иоганн Мюллер в своей работе «К сравнительной физиологии зрения», — совершенно безразлично, каким способом раздражения действуют на чувства; их действие всегда есть энергия самого чувства... Следовательно, то, что вызывает различие аффекции в энергии зрительного чувства по законам своего движения через прозрачную среду к сетчатой оболочке и что называется светом, не является первым и основным импульсом к появлению ощущения света и цвета, но представляется самым обыкновенным среди многих других, имеющих то общее между собою,

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 290.

что они возбуждают в глазу световое ощущение, отличное от них самих и принадлежащее самому чувству»⁴.

Итак, Мюллер находил, что свет не является первым и основным импульсом к появлению ощущения света и цвета. На это Фейербах отвечает, что орган зрения, т. е. глаз согласуется чувственно только со светом, предназначен для света, от природы для него существует только свет. Поэтому, если не будет света, не может возникнуть аффекция зрительного чувства.

Как было указано выше, представители физиологического идеализма находили, что в зрительных нервах глаза имеется специфическая энергия, благодаря которой глаз видит. Полемизируя с ними, Фейербах говорит: если внешний мир не играет никакой роли, если органам присуща внутренняя энергия, то почему же кошка вбивается своими когтями в мышь, а не в собственные свои глаза, если мышь, которую она видит, существует только в ее глазах, если она есть аффекция ее зрительных нервов, и тут же отвечает: «потому, что кошка не хочет умереть с голоду, ради любви к идеалистам»⁵.

Каким образом может человек вообще обнаружить свои ощущения, если нет ничего вокруг него объективного; далее, как можно утверждать, что ощущение ничего объективного не содержит. Фейербах, сильно возмущаясь этим, пишет: «Разве ощущение голода и жажды является пустым и беспредметным? Является ли жажда чем-нибудь иным, кроме как ощущением недостатка воды?»⁶. Таким образом, резюмируя вышесказанное, мы приходим к тому заключению, что всякая теория познания, которая ставит вопрос о существовании внешнего мира в зависимость от наших чувственных восприятий и переживаний, должна привести представителя этой теории в тупик солипсизма.

Защищая в теории познания точку зрения материалистического сенсуализма, Фейербах исходным пунктом познания считал ощущение, которое связывает человека с внешним миром. В процессе познания главным требованием для него явилось не только то, чтобы исходить из ощущений и восприятий, но и то, чтобы признавать эти ощущения субъективными образами объективного мира. «Мое ощущение субъективно, но его причина или основа, объективна»⁷. Цитируя эти слова Фейербаха, Ленин поясняет, что «ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, ощущение есть субъективный образ объективного мира»⁸.

Итак, мы видим, что с точки зрения Фейербаха философия должна начинаться не с абстрактного, а с эмпирического познания действительности. И он был глубоко убежден, что только в этом случае философия может быть настоящим знанием и будет вечно юной наукой, а начиная с

⁴ Фейербах, т. 1, стр. 573—574.

⁵ Там же, стр. 568.

⁶ Там же, стр. 572.

⁷ Там же.

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 106.

разумного познания самой себя, с абсолютного фихтеевского «Я», или «гегелевской абсолютной идеи», она никогда не может выйти за собственные пределы; никогда не может связаться с остальными науками, с действительно эмпирическими науками.

«Для философа, по крайней мере как я его понимаю, природа — его подруга; ему следовало бы знать ее не только из книг, но лицом к лицу»⁹.

Для того, чтобы философия правильно познавала природу, Фейербах требует войти в тесный контакт с нею. Природа и человек — вот единственный объект философии. «Созерцайте же природу, созерцайте человека! Здесь перед вашими глазами вы имеете мистерии философии»¹⁰.

Фейербах обязывал помнить, что начала философии и эмпирического знания совпадают и имеют общее. Поэтому «философия должна вновь связываться с естествознанием, а естествознание — с философией. Эта взаимная потребность, эта связь, коренящаяся во внутренней необходимости, будет продолжительнее, счастливее и плодотворнее по сравнению с мезальянсом между философией и теологией, существовавшим до сих пор»¹¹.

Помня это, надо начинать с эмпирического, с научного опыта, не бояться прикосновения с эмпирическими орудиями. Ведь не только олово гусиное перо является органом откровения, — говорит Фейербах, — а астрономический телескоп, геологический молоток, лупа ботаника — вот что является орудием истины.

В июне 1835 г. Фейербах в письме к Кнабе пишет: «Я глубоко убежден, что только тогда наступят для философии лучшие времена, когда она не будет оставлять опыт вне себя, но проникнется им и в нем найдет свое оправдание. Но конечно это должно произойти совсем не так, как это было до сих пор, при так называемом применении философии к позитивным наукам. Такая философия, — с большой гордостью восклицает Фейербах, предвидя жалкие попытки дать ложное истолкование труду всей его жизни, — такая философия будет видеть свое высшее торжество роли, чтобы перестать быть философией для всех пошлых и заучившихся голов, которые в видимости философии видят ее сущность»¹².

Фейербах со всей решительностью и смелостью требовал от немецкой философии отказаться от умозрительности, поскольку умозрение — это «пьяная философия», а ей надо стать трезвой. Вся цель философии Фейербаха — это изгнание трансцендентного из науки. Исходя из этого, Фейербах прежде всего должен был сделать в теории познания попытку снова восстановить в научных правах чувственное познание, почти изгнанное умозрительной философией.

Гегель, как и другие идеалисты, игнорировал природу как объективный источник нашего познания; история развития природы у него

⁹ Фейербах, т. I, стр. 258.

¹⁰ Там же, стр. 129.

¹¹ Там же, стр. 132.

¹² Письмо Фейербаха к Кнабе от 27 июня 1835.

представлена как история развития сознания. Именно поэтому идеалистическая теория познания формальным критерием истинности считает соответствие ее идее и мышлению. Гегель находил, что задача познания заключается в преодолении чувственности и природного мира, ибо природа является для него лишь начальной ступенью духа, стремящегося к самопознанию. Он считал, что надо познать природу, которая действительно существует, а не нечто не существующее. А действительно существующее для него — это идеальное.

«Язык, — пишет Гегель, — более истинен, в нем мы сами опровергаем наше мнение; и так как всеобщее есть истина чувственной достоверности и так как язык только выражает эту истину, то невозможно далее говорить о чувственном бытии, о котором мы думаем»¹³.

В противоположность немецким идеалистам, в частности Гегелю и Фихте, Фейербах пишет: «Как много толковали о лживости чувств и как мало о лживости языка. Как долго водила меня за нос всеобщность разума, всеобщность фихтеевского и гегелевского «Я», пока, наконец, с помощью моих пяти органов чувств я не понял во спасение своей души, что все затруднения и тайны Логоса, в смысле разума, находят разрешение в значении слова»¹⁴.

Поднимаясь в процессе познания от ощущения, восприятия и представления на ступень мышления, Фейербах советовал не отрываться от земного мира, а оставаться на той же самой почве, на почве созерцания, потому что всякая деятельность мышления, по его мнению, имеет в своей основе более или менее схватывающую деятельность наглядности. Понятия являются абстракцией конкретных представлений, базирующихся на восприятиях и ощущениях. Фейербах не только не отрицал значение общих понятий, а считал их необходимыми для научного познания. Он только боролся против тех идеалистов, которые забывают и игнорируют при абстрактном конкретное и превращают абстрактные понятия в самостоятельно существующие сущности.

Фейербах утверждал, что человек при помощи мышления не достигает какого-нибудь сверхестественного мира, как думали идеалисты, а остается на почве чувственности. «Мышление разлагает, отыскивает и извлекает из явлений единое, одинаковое, общее; но для того, чтобы найти его, оно должно сначала чувственно воспринять чувственные явления... Мыслить — это прежде всего значит воспринимать многое, разнородное и облекать его в соответствующие формы понятий»¹⁵.

Разум предполагает существование чувств, утверждает немецкий материалист, а не чувства предполагают существование разума. Чувства всегда остаются в качестве основы, даже тогда, когда они исчезают в абстракциях разума. Человек мыслит при помощи своей чувственно существующей головы. Разум имеет прочную чувственную основу в го-

¹³ Гегель, Феноменология духа, 1913, стр. 45.

¹⁴ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 322.

¹⁵ Фейербах, т. I, стр. 271, 272.

лове, в мозгу, т. е. в том месте, которая является средоточием всех человеческих чувств.

Фейербах считал, что посредством чувств мы приходим к разуму — они побуждают к мышлению, — но мы не получаем разум из чувств. Чувства задают нам задачу, но решение разума они не дают. Отнимите мышление — и объекты чувств станут ни чем иным, как лишенными смысла образами и знаками. «Чувствами читаем мы книгу природы, — говорит Фейербах, — но понимаем ее не чувствами. Совершенно верно, но рассудком мы не вкладываем в природу какой-либо смысл впервые; мы только переводим и истолковываем книгу природы: слова, которые мы вычитываем в ней своими чувствами, — не пустые и произвольные знаки, а определенные, идущие к делу, характерные выражения»¹⁶.

Мышление, разум без чувств, — говорит Фейербах, — мертвы; только чувства, ощущения дают ей жизнь. Поэтому он настаивал, чтобы они всегда выступали вместе в процессе познания. «Но подобно тому как чувство без мышления не представляет собой чего-либо, так и мышление, разум не представляют собой чего-либо без чувства, ибо только чувство дает мне реальные, действительные предметы и существа»¹⁷.

Грубейшую ошибку допускают те, кто Фейербаха считает крайним сенсуалистом. По Фейербаху истинное знание может быть лишь тогда, когда чувства заключат союз с мышлением. Ощущение и мышление должны идти вместе, потому что как ощущение не достаточно без мышления, так и мышление без ощущения.

Выступая против вульгарных эмпириков, Фейербах доказывал истинное значение рационального момента в процессе познания. «Не чувства для себя, не чувства без головы, без разума и мышления, ибо мышление требуется даже для чистого зрения»¹⁸.

Фейербах находил, что голая эмпирия не только не дает истинного познания, но наоборот ведет к агностицизму и скептицизму. Поскольку эмпирик собирает факты, но не подвергает их должной рациональной обработке, не обобщает. Только та эмпирия представляет ценность, которая завершается философским обобщением. Таким образом, Фейербах, как и все ему предшествующие материалисты (Бекон и Дидро), требовал соблюдать обязательный переход от эмпирического к рациональному.

Фейербах, как и английские и французские материалисты прошлого, явился сторонником связи чувственного и рационального в познании. Поэтому он пишет: «Разумеется, это очень ограниченный жалкий опыт, если не достигает философского мышления или, так или иначе, не хочет подняться до него; но столь же ограниченной оказывается всякая философия, которая не опирается на опыт»¹⁹.

¹⁶ Там же, т. I, стр. 238.

¹⁷ Там же, стр. 271.

¹⁸ Там же, стр. 270.

¹⁹ Там же, стр. 99.

Фейербах считал, что преимущество новейшей философии по сравнению со старой заключается в том, что она соединила чувственную деятельность с мыслительной. «Я вообще безусловно отвергаю абсолютное, нематериальное, самодовольное умозрение, черпающее материал из самого себя. Я не имею ничего общего с теми философами, которые закрывают глаза, чтобы легче было думать. Я мыслю при помощи чувств, главным образом зрения, основывая свои суждения на материалах, познаваемых нами посредством внешних чувств, произвожу не предмет от мысли, а мысль от предмета; предмет же есть только то, что существует вне моей головы»²⁰.

Поэтому совершенно естественно, что мышление должно следовать за чувствами, а не наоборот.

Таким образом, Фейербах пытался решить сложную проблему теории познания, — проблему связи, единства, чувственного и рационального моментов познания. Но он не в состоянии был это сделать до конца, потому что не выходил за пределы узкого антропологизма, не поднялся до понимания человека, как совокупности общественных отношений. Основным недостатком фейербаховского понимания взаимодействия ощущения и мышления заключается опять-таки в отсутствии диалектики. Хотя и Фейербах был прав в критике идеализма, в особенности субъективного идеализма, однако и сам не дал научного изложения проблемы познания:

а) ибо не понял общественную сторону ощущения;

б) Фейербах не понял скачка от ощущений к мышлению, и что мышление не есть простая копия чувственности, а поднимается до качественно новой определенности, без учета которой нельзя понять переход. Это исходит не только из того, что Фейербах не понял, что сознание является отражением общественных отношений, общественного бытия, не понял ее активного характера, но и не понял диалектической природы познания... etc;

в) вследствие созерцательности не понял роли практики в познании, а практика сама является живым единством рационального и эмпирического. И тот, кто не признает роли практики в познании, тот не может, конечно, разрешить до конца правильно проблему соотношения рационального и эмпирического элементов в познании.

Ощущение у Фейербаха имеет единственное назначение — пассивно обнаруживать себя; ощущение он понимал как пассивное восприятие воздействия внешнего мира.

Как известно, ощущение имеет две стороны: натуральную, биологическую и общественную. Ощущают животные, ощущает и человек. Различие заключается в том, что ощущение человека есть ощущение общественного человека. Все наши чувства являются продуктом общества. Подчеркивая общественную природу ощущений человека, Маркс писал: «...Глаз стал человеческим глазом, подобно тому, как его предмет стал

²⁰Там же, стр. 17—18.

общественным, человеческим предметом, созданным человеком для человека. Поэтому чувства стали непосредственно в своей практике теоретиками... Ясно, что человеческий глаз видит иначе, чем грубый, нечеловеческий глаз, что человеческое ухо слышит иначе, чем грубое ухо, и т. д. Поэтому человек утверждает в предметном мире не только через посредство мышления, а и через посредство всех чувств... Чувства у общественного человека иные, чем у необщественного»²¹. И далее: «Образование пяти чувств, это—продукт всей всемирной истории. Чувства, находящиеся в плену грубой практической потребности, обладают только ограниченным смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи... Нуждающийся, полный забот человек не способен понять прекраснейшей пьесы; торговец минералами видит только денежную стоимость, но не красоту и особенную природу минералов: у него нет минералогического чувства. Таким образом, необходимо было опредмечивание человеческой сущности и в теоретическом, и в практическом отношении, чтобы как очеловечить чувства человека, так и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы»²².

Таким образом, человек, как продукт общества, не является пассивным существом, а он оказывает свое активное воздействие на внешний мир, что осталось непонятым Фейербаху.

Соотношение эмпирического и рационального в познании так же можно разрешить только на основе практики, т. е. когда основой познания считаешь практику.

Фейербах, правильно представляя процесс познания, как единство чувственного и рационального, ввиду своей созерцательности, не дошел до понимания значения практики в теории познания. Фейербах включает практику в теорию познания созерцательно, в материалистическом смысле. У него практика понимается как удовлетворение физиологически чувственных потребностей человека при помощи внешних предметов (воздух, пища и т. д.). Фейербах исходит не из понимания практики, как социальной общественно-исторической категории, а в свое понимание кладет сущность человеческого рода, исходит из родового общения людей друг с другом. Не поняв действительной сущности человека, он вынужден был исходить из отвлеченного человека, связанного не социальными, а естественными узами, с другими членами рода. Поэтому исходная точка Фейербаха не социология, а антропология.

Маркс и Энгельс никогда не отрицали того факта, что Фейербах тоже признает практику, но Маркс утверждал, что Фейербахом практика постигается и утверждается только в грязно иудейской форме ее проявления. Фейербах, являясь представителем созерцательного материализма, как и его предшественники, не понял значения философии для

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 626.

²² Там же, стр. 627.

революционно-практической деятельности общественного человека, для изменения мира. Маркс считал, что основным недостатком прошлой философии является то, что «философы различным образом до сих пор объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его»²³.

Поняв практику, как материальную деятельность по преобразованию природы и общества, Маркс и Энгельс доказали, что познание мира достигается в практической деятельности по его изменению. Познание это есть живой процесс, который совершается между человеком и природой. И в процессе материально-производственной деятельности, в процессе труда, человек, изменяя внешнюю природу, меняет и самого себя. И в этом процессе человек отражает внешний мир. Поэтому отражение внешнего мира есть процесс весьма активный. Человек отражает внешний мир действуя, ибо это отражение является существеннейшим условием его активного отношения к действительности, важнейшим побудителем его к деятельности.

Итак, процесс познания представляет собою единство элементов эмпирического и рационального. Это две неразрывные стороны единого процесса познания.

Диалектический материализм считает, что элементы рационального и эмпирического связаны друг с другом, пронизывают друг друга, дополняют друг друга в сложном и многогранном процессе познания, протекающем на основе общественно-исторической практики людей. Ленин дал глубокую характеристику, выражающую сущность этого процесса: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»²⁴.

²³ К. Маркс. Тезисы о Фейербахе, стр. 58.

²⁴ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146—147